

ГЛАВА 1

Лейтенант Кирхнер был родом из Таллина. Он с детства привык к размеренной жизни, какой жила его семья. «Все нужно делать не торопясь и сначала хорошо подготовиться. Рабочее место, инструмент, все обдумать и только потом приступать к работе» — так с детства учил отец, известный в Таллине мастер по ремонту обуви. Но сын не пошел по стопам отца. И когда в 1939 году началась репатриация немцев из Прибалтики, Отто Кирхнер понял, что теперь перед ним открываются перспективы более радужные и ему не придется всю жизнь сидеть рядом с отцом, согнувшись над чужими старыми ботинками.

И здесь, в Югославии, он тоже видел блестящие перспективы, когда ему приказали собрать группу из состава наиболее подходящих бойцов дивизии «Бранденбург», вести разведывательную деятельность и подобраться вплотную к лидеру югославского сопротивления Иосипу Броз

Тито. Целью было устранение Тито. Югослав был великим организатором и хорошим стратегом. Он сумел создать на Балканах одно из сильнейших движений сопротивления Германии. Руководство вермахта и СД прекрасно понимало, что все движение держится на личных лидерских качествах Тито и с его устранением фронт развалится, к власти начнут лезть его помощники, мелкие сошки. И выбор на Кирхнера пал не случайно. Командование ценило его мышление, методику его работы. Лейтенант все делал основательно. К Тито ему удалось подблизиться, как он считал, очень близко. И если получится договориться с девушкой из отряда Тито, то скоро операция закончится. Нужно просто ее убедить, запугать. Не важно как, главное, чтобы она согласилась работать.

Через своего человека, которого в штабе Тито сумели закрепить четники¹, Кирхнеру удалось убедить девушку встретиться с ним в горах у моста. Он играл роль антифашиста, патриота,

---

¹ Чётники — собирательное наименование членов нелегальных военизированных отрядов (чет) балканских партизан, повстанцев и ополченцев на Балканах во время Второй мировой войны, как правило, ирредентистского, патриотического, монархического толка. Открыто враждовали с Народно-освободительной армией Югославии.

который не доверяет никому, потому что важные сведения, которыми он располагает, могут повредить ему самому. Он должен передать их только человеку, которому доверяет. Главное, побольше нужных и правильных слов, а смысл этих фраз патриот сам себе придумает. Иначе говорить было нельзя, потому что Кирхнер не владел информацией, он мог изображать, что владеет информацией.

Одетый в старый, но опрятный костюм, со шляпой на голове, Кирхнер покуривал у старой сосны, притопывая ногой. Все, как и принято в этих местах: горные ботинки на толстой рифленой подошве, ручной вязки деревенские шерстяные носки закрывали его ноги до колен. Серьезный человек, солидный. Например, сельский доктор.

Тропа, усыпанная прошлогодней хвоей, вилась между камнями и упиралась в висячий деревянный мостик на железных тросах. Внизу между валунами шумно металась река. Она то билась и пенилась, то вырывалась на открытое пространство и неслась дальше, до следующего каменного порога. На той стороне обрыва тропа снова уходила в хвойный лес. Не такой густой, но огромные лапы редко растущих елей скрывали все, что было на земле.

Девушку Кирхнер увидел сразу и совсем не с той стороны, откуда он ее ждал. Она оказалась на этом же берегу, где ее ждал лейтенант, хотя, по его предположениям, она должна была прийти с другого берега. И там ее ждала заграда на случай попытки убежать. Но главным было не это, главным было то, что девушка пришла, и это обнадеживало. Кирхнер смотрел на стройную ловкую фигуру девушки, которая шла быстрым шагом, перепрыгивала с камня на камень. Спортивные шерстяные брюки, безрукавка с меховой оторочкой. Под безрукавкой белая рубашка с вышивкой. Темные вьющиеся волосы коротко острижены.

— Я вас жду! — громко сказал Кирхнер по-русски и, оторвавшись от дерева, шагнул на тропу и произнес слова пароля, которые должна была знать эта девушка. — Сегодня на рынке в деревне продавали говядину. Странно, кто же забивает скот в начале лета?

— Скот забивают в разное время, — ответила девушка, пристально глядя на незнакомого мужчину. — Цены на мясо в это время высокие. Вы хотите купить мясо? Я могу помочь вам с большой партией.

— Здравствуйте, — улыбнулся лейтенант и шагнул к девушке, намереваясь протянуть ладонь для рукопожатия.

Но девушка сделала еле заметное движение назад. Она была до предела насторожена, и это чувствовалось. Кирхнер решил не пугать партизанку и остановился, оглядываясь по сторонам. Девушка могла прийти не одна. И если партизаны заметили засаду, то вполне возможна схватка, перестрелка.

— Я вас слушаю, — твердым ровным голосом сказала девушка. — Что вы мне хотели сказать?

— Спасибо, что прислушались к моему совету и не привели с собой товарищей, — изображая волнение, торопливо заговорил немец. — Это очень важно. Я не знаю, кому там у вас можно верить, а кому нет. Нацисты часто засылают к партизанам провокаторов и своих агентов. А дело, с которым я пришел, оно... важно для меня и этой женщины. И для вашей страны...

— Югославии? — тут же спросила девушка.

— Советского Союза, — покачал головой Кирхнер. — Я ведь узнал вас, Мария. Вы Мария Викторовна Плотникова. И там, откуда я пришел, лежит больная женщина. Она умирает. Она утверждает, что вы ее знаете. Она хочет передать вам какие-то документы, сведения. Я точно не знаю, какие именно, я только курьер, посыльный. Это важно для вашей страны,

Мария, для вашего отца. Но передать она сведения хочет только вам. И нужно торопиться, потому что ее дни сочтены.

— Грубо, — резко ответила Мария. — Я не стану больше с вами разговаривать. Вы либо говорите мне, кто эта женщина и какого рода материалы она хочет передать, и тогда мы говорим дальше и решаем, как действовать, либо я ухожу и впредь на попытки войти со мной в контакт буду считать вас нацистским провокатором. Это понятно?

Мария говорила таким резким тоном, что лейтенант понял. Обсуждений не будет. Его план не сработал, и девушка оказалась крепким орешком. Значит, остается только вариант ее захвата и обработки. Потом будет видно, как ее использовать. Что ей эта страна, что из того, что здесь работал ее отец. Наверняка у нее есть другие цели и привязанности. Не захочет она умирать за чужую страну. И Кирхнер шагнул к девушке и испуганно заговорил:

— Нет, Мария, не говорите так! Вы не понимаете, как это важно! Если бы вы знали...

Немец не успел взять девушку за руку, она отшатнулась, блеснула глазами, полными гнева. Одним быстрым движением Мария выхватила из-под безрукавки «вальтер». Кирхнер видел

всю решимость этой русской. На миг он даже испугался, что она начнет стрелять, не задумываясь, а он стоял в одном шаге от нее. Смерть? Дура! Фанатичка! Коммунистка! Кирхнер не смог удержать себя в руках. Он отскочил назад к дереву и закричал, срываясь на фальцет: «Zu mir! Alles zu mir!»¹

Его помощники выскочили из своих укрытий и бросились на помощь командиру. Мария обернулась, не глядя, дважды выстрелила в сторону Кирхнера и бросилась назад, по тому пути, по которому пришла. Но увидев немцев и на этой тропе, она остановилась как вкопанная, крутя головой. Ситуация была безвыходной. Лейтенант оценил это со злорадством. Девушка приняла решение буквально за доли секунды и бросилась на мост. С противоположного берега речки бежали немцы, она выстрелила в них еще дважды, а потом пролезла под канат, державший легкий мост над пучиной и, не задумываясь, прыгнула вниз.

Ругаясь последними словами, Кирхнер взбежал на мост и устался вниз. Несколько его солдат подбежали и остановились рядом. В бешеном круговороте воды Марии видно не было. Вода неслась от груды камней и с силой ударя-

---

¹ Ко мне! Все ко мне! (нем.)

лась в следующий пенный порог. В таком потоке не выжить никому.

— Что встали?! — закричал лейтенант на подчиненных. — Быстро по обоим берегам вниз по течению. Найти тело!

Самолет шел над сплошной пеленой облаков. Шелестов смотрел в иллюминатор, видел, как светлеет небо, как наливается красным цветом восток, но это зрелище его совсем не радовало. Грозовой фронт замедлил скорость, отбросил самолет с курса немного южнее. И теперь выйти к точке десантирования удастся не сразу. Пилоты это понимали и уже высказали Шелестову свое мнение. Обернувшись, Максим Андреевич посмотрел на группу. Оперативники безмятежно спали. Сосновский откинул назад голову, и его тонкие черты лица казались расслабленными и какими-то мягкими. Буторин положил на руки голову, и его седой ежик волос покачивался в такт движению самолета, когда тот чуть бросало из стороны в сторону. А вот Коган мог и не спать. Он мог просто сидеть с закрытыми глазами. По Борису никогда не поймешь, какое у него настроение, о чем он думает. Всегда непроницаемое носатое лицо, немного в беспорядке темные жесткие волосы. И в любой момент он мог открыть глаза и за-

дать какой-то неожиданный вопрос, касающийся предстоящей операции. Но, наверное, Коган тоже сейчас спал.

В сплошной пелене облаков вдруг стали появляться разрывы. Шелестов различил внизу гористую местность, покрытую лесами. Промелькнула лента реки с блестками отражающихся лучей восходящего солнца. Открылась дверь кабины, и к Шелестову, придерживаясь за натянутые под потолком грузовые тали, подошел штурман.

— Товарищ подполковник, через пятнадцать минут мы окажемся в районе выброски. Приготовьтесь. Мы потом сразу постараемся уйти в облака. Если их воздушное наблюдение не засечет нас, то и ваша высадка останется в тайне.

— Вы уверены, что не ошиблись с координатами? Есть гарантия, что мы в нужном квадрате?

— Пятьдесят на пятьдесят, — покачал штурман головой. — У меня приказ вас сбросить в том районе, но вы можете сами принять решение. И тогда будем возвращаться.

— Нет, будем прыгать!

Штурман вернулся в кабину, а оперативники зашевелились на своих сиденьях, разбуженные голосами. В самолете приходилось говорить очень громко, чтобы перекрыть гул моторов.

— Ребята! — приказал Шелестов. — Готовность пятнадцать минут!

Оперативники стали проверять парашюты, привязанное снаряжение, и тут самолет резко дал крен на левый борт, пол ушел из-под ног, а моторы взревели так, что, казалось, вот-вот оторвутся крылья. Все вцепились в спинки кресел и сиденья. Транспортник кидало из стороны в сторону. Он то проваливался вниз, то с натугой взбирался все выше и выше. Никто не разговаривал. Обсуждать было нечего, оставалось только догадываться, что происходит, и надеяться на лучшее. Первая пулеметная очередь вражеского самолета прошла борт в полуметре от Шелестова.

— Надо прыгать! — крикнул Буторин. — Еще немного, и самолет собьют. Или высоту потеряем!

— Не дури! — заорал в ответ Сосновский. — Его мотает, как... цветок в проруби. Воздушным потоком кинет на фюзеляж или сомнет купол. Или под винт затянет!

Шелестов хотел сказать, что согласен с Сосновским, но тут со стороны кабины послышался какой-то шум. Там что-то гудело и свистело. Поднявшись из своего кресла, Шелестов с трудом добрался до кабины пилотов. Он падал и снова вставал, обдирал руки, но все же до-

брался до двери. И когда он распахнул ее, то в лицо ему ударил поток холодного воздуха. Ухватившись за дверной проем, Шелестов с трудом удерживал равновесие. Пилот склонился на штурвал. По штурвалу на пол стекала кровь. Штурман с залитым кровью лицом держал ручку управления, пытаясь снизить высоту. Он повернул голову к Шелестову и простонал: «Помогай... сил нет».

Оперативник отстегнул ремни и стащил убитого пилота с кресла на пол. Заняв его место, он ухватился за штурвал. Самолет шел на снижение, но внизу были только горы и лес. Шелестов несколько раз пытался докричаться до раненого штурмана, но тот то терял сознание, то поднимал голову и снова тянул руль на себя, выдерживая угол посадки. И тут впереди по курсу вдруг показался разрыв в сплошном лесном океане. Это был какой-то луг или выпас. Сплошная зеленая трава и небольшой уклон. Хватит или не хватит поля для посадки, Шелестов не знал. Штурман, стиснув зубы, стал выводить самолет на поляну. Он только подсказывал Шелестову, чтобы тот помогал... тяни или отпусти немного.

Земля быстро приближалась, она неслась навстречу, покрытая густой травой, камнями. Камни очень беспокоили Шелестова, но он по-